

**«Во мне видеть должно главнейшее лицо
в последнем покушении...»
(Г.С. Батенков в Следственном комитете)**

Подполковник Корпуса инженеров путей сообщения Г.С. Батенков провёл почти 20 лет в одиночной камере Петропавловской крепости. Столь отличная от других членов тайного общества, осуждённых по делу 14 декабря 1825 г., судьба не может не озадачить исследователя. Среди различных объяснений, предложенных учёными,¹ наибольшего внимания заслуживает то, что своей необычной судьбой Батенков обязан близостью к М.М. Сперанскому. Царское правительство стремилось сохранить в непроницаемый тайне связи Сперанского с руководителями конспирации. Поэтому оно облекло Батенкова на двадцатилетнее молчание в Секретном доме Алексеевского рavelина. Однако никто из декабристоведов не рассмотрел следственное дело Батенкова как единый архивный комплекс. Никогда показания декабриста Следственному комитету не сопоставлялись с общим ходом расследования событий 14 декабря 1825 г. Такой подход предполагает последовательное восстановление всего хода следствия. Это очень трудоёмкий процесс, но именно он даёт возможность определить роль и место показаний Батенкова в формировании Комитетом общей концепции деятельности тайного общества в России и проливает некоторый свет на последующую судьбу декабриста.

Один из самых загадочных эпизодов расследования событий 14 декабря 1825 г., которыми, как только теперь выясняется, изобиловало следствие по делу тайных обществ в России,² имел место в середине марта 1826 г. Совершенно неожиданно для следователей подполковник Г.С. Батенков, объявил себя главным организатором выступления 14 декабря, которое, как он утверждал, произошло по его плану. Почти три с половиной месяца следствия продолжалась своеобразная дуэль между двумя лидерами тайного общества К.Ф. Рылеевым и С.П. Трубецким. Каждый пытался убедить следователей в том, что не он, а его соратник являлся главным организатором выступления 14 декабря и несёт за него основную ответственность. Но в середине марта буквально вынырнула из не-

¹ Брегман А.А. Декабрист Гавриил Степанович Батеньков // Батеньков Г.С. Сочинения и письма Т. 1. Письма (1813–1856). Иркутск, 1989. С. 74–75; Юшковский Ю.Б. Батеньков в Томске. Томск, 2007. С. 299.

² См. подробно: Сафонов М.М. К.Ф. Рылеев против С.П. Трубецкого (по материалам следственного комитета) // Власть, общество и реформы в России: История, Источники, Историография. СПб., 2007. С. 54–93.

бытия фигура подполковника Г.С. Батенкова. К немалому удивлению следствия он объявил себя главным зачинщиком выступления 14 декабря и тем самым как бы вызвал «огонь на себя». До сих пор он отрицал своё участие в деятельности тайного общества, а тут не только признал, но и объявил себя фигурой номер один во всей конспирации. А поставив себя во главе заговора, он как бы приобрёл тем самым «право» говорить о его целях и планах вполне авторитетно, и заговорил...

Впервые имя Батенкова было упомянуто во время допросов К.Ф. Рылеева и С.П. Трубецкого 23 и 24 декабря 1825 г. Однако, довольно трудно определить, кто же именно «сдал» его. Лидеров заговора вначале допрашивали устно по заранее подготовленным и утверждённым Комитетом письменным вопросам. Но их устные ответы не фиксировались. Только затем последственным предоставляли письменные вопросы, подготовленные с учетом их устных ответов. На эти письменные вопросы допрашиваемые отвечали уже письменно. Но их письменные ответы не всегда совпадали с первоначальными устными, которые уже прозвучали во время допроса.³

В первых письменных ответах на вопросные пункты, помеченных 24 декабря, Рылеев сообщил не только о принадлежности Батенкова к тайному обществу, но и упомянул о той важной роли, которая ему отводилась лидерами конспирации. Рылееву был задан вопрос: «На чём основывали вы надежду, что в высших трибуналах появятся люди для поддержания цели, предложенной вашим обществом?» Отвечая на него, Рылеев постарался представить Трубецкого главным организатором выступления 14 декабря, и вложил в его уста следующую фразу: «Только бы удалось, а там явятся люди». Кондратий Федорович так обрисовал ситуацию. Тайное общество намеривалось силой принудить Сенат созвать Великий собор. Когда лидерами обсуждался этот вопрос, он заявил, что «до созвания Великого собора надобно же быть какому-нибудь правлению» и потом спросил: «Кто оно будет составлять?» Трубецкой на это ответил: «Надобно принудить Сенат назначить Временную правительственную думу и стараться, чтобы в неё попали люди уважаемые в России, как, например, Мордвинов или Сперанский, а к ним в правителя (sic. — М. С.) дел назначить подполковника Батенкова». Относительно Н.С. Мордвинова и М.М. Сперанского Рылеев выразил сомнение, чтобы они могли принадлежать к какому-либо тайному обществу. Что же касается Батенкова, то он, «кажется, принят был Николаем или Александром Бестужевым»,⁴ другими словами, согласно Рылееву, Батенков должен был быть правите-

³ Там же. С. 57.

⁴ Восстание декабристов. Т. I. М.; Л., 1925. С. 159 (далее: ВД. I. Ссылки на эту публикацию даются в тексте. Римская цифра означает номер тома, арабская — страницы).

лем дел Временного правительства, которому предстояло собрать Великий собор. Собор же понимался как учредительное собрание.

Так Батенков попал в поле зрения следствия в числе тех лиц, которые могли поддержать цели и планы тайного общества в высших государственных учреждениях, и имя его с тех пор оказался теснейшим образом связано с именем Сперанского. О таковой же роли Батенкова упомянул и Трубецкой, по-видимому, уже ознакомленный с показаниями Рылеева. Только, если Рылеев говорил о членстве Батенкова в тайном обществе предположительно, Трубецкой упоминал об этом уже без обиняков и рисовал его как деятельного члена, причастного к выработке стратегических решений.

Впервые письменно отвечая на письменные вопросы, Трубецкой изложил свой план мирного давления на власть. Он состоял в следующем: при посредстве Сената поставить императора Николая перед фактом, что полки не желают ему присягать, тогда Николай, видя невозможность «подвинуть полки на полки» и не желая «кровопролития» предпочтёт поступиться всей полнотой своей самодержавной власти и согласится на созыв депутатов из губерний. Это депутатское собрание установит конституцию. Трубецкой написал специальную записку и обсуждал этот вопрос с подполковником Батенковым.

Мнение Батенкова было таково. Если Константин приедет в Петербург, то всё кончено будет. В противном же случае, лучше будет, если гвардию выведут за город, тогда Николай останется в городе и «никакого беспорядка произойти не может». Трубецкого же «затрудняло» одно обстоятельство. Хотя он был уверен, что «междущарствие не долго продолжится», т.к. не было нужды дожидаться депутатов из дальних губерний, и можно было начать работу собрания, как только депутаты соберутся в достаточном количестве, но в этот короткий промежуток страна должна кем-то управляться. Если понадобится учредить временное правление, то «кто могут быть люди, на выбор коих можно согласиться». Но Батенков «снял это затруднение тем, что, если полки будут до окончания оставаться в лагере, то всё равно, кто бы ни был, государю императору самому нужно будет, чтобы были люди только умные» (ВД. I. 18).

Так самую идею Временного правления Трубецкой связал с именем Батенкова, хотя он сам, Трубецкой, обдумывал этот предмет, но не пришел к определённым выводам. Из состояния сомнений его вывел Батенков («снял затруднение»), и именно его можно считать автором этой идеи. Получалось, что сам Трубецкой к идее Временного правительства был почти что не причастен. Характерно, что Временное правление в изложении Трубецкого образуется с согласия царя, и личный состав его

чуть ли не согласовывается с ним. При этом Временное правление должно собрать депутатов от губерний, и оно само установит конституцию. Но это совсем не Великий собор, вовсе не Учредительное собрание.

Характерно, как Трубецкой назвал перед Комитетом имя своего соучастника Батенкова, возможно уже «сданного» следователям Рылеевым. Сергей Петрович был уверен, что этот человек, если его спросят, подтвердит эту часть его показаний. Поскольку они рисовали Трубецкого более чем умеренным либералом, т.е. в выгодном для Сергея Петровича свете, он был готов для достижения этого эффекта «сдать» следствию и Батенкова. Его устами Трубецкой рассчитывал убедить следователей в том, что его «записка», содержащая конспект так называемого «Манифеста к русскому народу» (ВД. I. 107–108), действительно предназначалась для переговоров с Николаем. И в дальнейшем Трубецкой постоянно пользовался именем Батенкова как козырем, с помощью которого можно было подтвердить умеренность политических намерений «диктатора». Дополняя свои первые показания, Трубецкой особо подчеркнул положительную роль Батенкова в выработке окончательных планов выступления тайного общества. Он являлся одним из главных оппонентов радикальных устремлений лидеров конспирации. По словам Сергея Петровича, на совещаниях у Рылеева говорилось о том, что «с одной горсткой солдат можно всё сделать, говорили о грабежах и убийствах; говорили, что можно и во дворец забраться, но на сие бывший тут Батенков возразил, что дворец должен быть священное место, что если солдат до него прикоснется, то уже ни чёрт его ни от чего не удержит». Трубецкой особо подчеркнул: «Я уверен, что сие его возражение от многого в последствии бедствия удержало» (ВД. I. 37).

Нисколько не сомневаясь, Трубецкой поместил имя Батенкова в списке членов тайного общества, находившихся в Петербурге. (ВД. I. 33). Он был членом тайного общества, но членом очень умеренным, противником всякого радикализма.

26 декабря показания Рылеева и Трубецкого были уже в Комитете и он принял решение арестовать Батенкова.⁵ На следующий день там оказались и дополнительные показания Трубецкого со сведениями о роли Батенкова (ВД. XVI. 38). 28 декабря Батенкова арестовали и отправили на гауптвахту. На следующий день в присутствии Николая, генерал-адъютанта В.В. Левашова и М.М. Сперанского состоялся первый допрос.⁶ На нём Батенков категорически отрицал и свою принадлежность к тайному обществу, и даже осведомлённость о его существовании.⁷ В своих

⁵ Восстание декабристов. Т. XVI. М., 1986. С. 33 (далее: ВД. XVI).

⁶ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. Т. II. С. 121.

⁷ Восстание декабристов. Т. XIV. М., 1976. С. 35–36 (далее: ВД. XIV).

первых показаниях, представленных в Комитет 30 декабря (ВД. XIV. 42), Батенков, по словам следователей, обнаружил «свой образ мыслей как несовместимый с анархическими началами», и категорически заявил, что не участвовал в деятельности тайного общества, постарался объяснить, что могло дать повод для такого заключения. «Где, кем и как составлен и утверждён был план мятежа 14 декабря и чрез кого, где приведён в действо, мне вовсе было неизвестно», — категорически утверждал Батенков. — «Не знал также о сделанном мне назначении должности. И самое существо её никогда мне не было объяснено». (ВД. XIV. 42). Но Батенков делал это напрасно. Ведь Комитету было уже известно о его участии в выработке стратегических планов конспирации и о той роли, которая предназначалась ему после победы тайного общества.

На первом допросе Николай, виртуозно владевший техникой следователя, внушил Батенкову мысль, что ему ничего серьёзного не грозит, если он будет откровенен. Царь сказал ему: «Я не ишу вашего обвинения и изнурять вас не буду; вы мне будете нужны».⁸ Похоже, Батенков проникся этим убеждением и даже обратился в Комитет с просьбой разрешить ему за столом употреблять красное вино». (ВД. XIV. 44). Этим объясняется уверенность, с которой Батенков отрицал свою причастность к событиям 14 декабря. Но от него ожидали совсем другого. Комитет, ознакомившись с его письменными показаниями, 30 декабря решил «составить для Батенкова вопросы» (ВД. XVI. 42).

В тот же день 30 декабря в Комитете был допрошен поручик Грендерского полка А.Н Сутгоф. В журнале Комитета появилась запись: «Между прочем, показал, будто Каховский сказал ему, что Батенков связывает общество со Сперанским». Было решено «обстоятельство сие привести в возможную ясность допросами главных лиц заговора» (ВД. XVI. 42). В вопросных пунктах, которые составили Сутгофу после этого устного допроса (ВД. XVI. 316), было упомянуто, что он показал «о Сперанском ...что сносилось общество через г-на Батенкова» и об этом ему сообщил П.Г. Каховский (ВД. II. 125). Однако ни Сутгоф (ВД. II. 127), ни Каховский не подтвердили этого факта в своих письменных ответах, правда, Каховский оговорился, что Рылеев убеждал его: тайное общество действует на Сперанского «через Батенкова», но Кондратий Федорович часто себе противоречил и поэтому ему верить нельзя (ВД. I. 344). Спрошенный об этом Рылеев, вопросные пункты которому были составлены 4 января (ВД. XIV. 55), ответил уклончиво: «Признаюсь, я думал, что Сперанский не откажется занять место во временном правительстве». Своё мнение он основывал на его любви к отечеству и «на словах Батенкова,

⁸ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. II. С. 121.

который... однажды сказал: «Во временное правительство надо назначать людей известных». Рылеев ему ответил, что они думают назначить в него Мордвинова и Сперанского. На это Батенков ответил: «Хорошо». «Итак, — резюмировал Рылеев, — если я что-либо говорил о Сперанском Каховскому, то не что другое, как здесь показанное. Это можно узнать, опросив его, когда я говорил; Батенков принят, кажется, за месяц Бестужевыми и знал их до меня. Потом я познакомил его с Трубецким, после чего они очень часто виделись» (ВД. XIV. 56).

2 января 1826 г. Батенкова устно допросили в Комитете (ВД. XVI. 45). После письменные вопросные пункты были составлены Александру и Николаю Бестужевым, а также Трубецкому. Первые двое отрицали факт формального приёма Батенкова в тайное общество, но дали достаточно материала, чтобы утверждать, что он принимал непосредственное участие в его деятельности, в частности, как выразился Александр Бестужев «помогал он мнениями насчет будущего устройства». При этом А.А. Бестужев показал, что после смерти императора Александра Батенков намеревался действовать именем императрицы Елизаветы и стремился узнать, как расположены к ней полки (ВД. XVI. 43). Трубецкой же ещё раз подтвердил всё, что говорил о роли Батенкова на прежних допросах, т.е., что Батенков полагал: если общество довольно сильно, чтобы воспользоваться сложившимися обстоятельствами, и если полки не станут присягать Николаю, то «можно достигнуть конституционной монархии, имев императором ныне царствующего государя». Но при Константине это будет невозможно. По словам Трубецкого Батенков твёрдо стоял на том, «что другого правления, кроме наследственного императорского, в России быть не может. И для достижения сего нужно сколь возможно сохранить порядок и не трогать никого с места, но единственно стараться о собрании депутатов из губерний. К сей цели он содействовал своими разговорами и советами» (ВД. XVI. 43).

Наконец, письменные вопросные пункты составили и самому Батенкову (ВД. XVI. 317). Ему были предъявлены показания других подследственных, свидетельствующих о том, что он не только был членом общества, но весьма активным (ВД. XIV. 44–47). В результате устного допроса было решено потребовать от него письменных объяснений (ВД. XVI. 45). 4 января Батенков вновь письменно подтвердил, что членом общества не был и о его планах не знал. Связи Сперанского с тайным обществом он назвал сущей «клеветой» (ВД. XIV. 47–54).

Батенкова спрашивали: «Кто из высшего звания был в соучастии с членами?» (ВД. XVI. 46). Батенков ответил: «Никого из высшего звания лиц не знаю в соучастии с членами» (ВД. XVI. 54). Ему был поставлен

вопрос: «Когда и кем предположено было начать действия общества, которые были, конечно, плод неоднократных рассуждений и решительных совещаний и которые должны быть вам известны, судя даже по участию, какое принимали в настоящем деле?» (ВД. XVI. 46). Батенков ответил категорически: «Когда и какие предположено было начать действия со стороны общества, я также не знал» (ВД. XVI. 54).

4 января, после дополнительного допроса Рылеева, Комитет решил спросить Батенкова, кого имел он в виду под известными людьми, которые согласились бы стать членами Временного правления (ВД. XVI. 47). 6 января письменные ответы Батенкова были внесены в Комитет. Подследственный продолжал всё отрицать. Выслушав их, члены Комитета решили дать Батенкову очные ставки с теми, кто на него показывал (ВД. XVI. 49).

14 января Батенков обратился к В.В. Левашову с просьбой беспристрастно рассмотреть его дело (ВД. XVI. 57), тогда же он написал письмо царю. Он просил скорее решить его дело и защитить от наветов и клеветы (ВД. XIV. 57–58). 17 января оно поступило в Комитет. Там приняли решение поспешить с решением дела Батенкова и «пояснить все обстоятельства до него касающиеся» (ВД. XVI. 63).

20–21 января были передопрошены все лица, дававшие показания на Батенкова. Они подтвердили свои свидетельства (ВД. XIV. 59–71). Правда, и Рылеев, и Трубецкой не могли привести свидетелей, которые подтвердили бы всё, сказанное Батенковым о Временном правительстве действительно имело место, т.к. эти разговоры велись с глаза на глаз (ВД. XIV. 64, 65). Трубецкой добавил ещё, что согласно конституции, которую предстояло установить депутатское собрание, должно было быть две палаты: верхняя и нижняя, монархическая же власть сохранялась (ВД. XIV. 63). Кроме того, из показаний Александра Бестужева выяснилась близкая связь Батенкова с А.И. Якубовичем, который «предназначался для увлечения солдат». Оказалось, что они не только часто встречались, но и «друг друга полюбили». Кроме того, Александр Бестужев показал: 27 ноября Рылеев сообщил ему: «Трубецкой думает, нельзя ли возвести на престол императрицу Елизавету, и что Батенков того же мнения, и что надобно вывести расположение солдат» (ВД. XIV. 68). Примечательно, что в конце января (запрос был сделан 28 января, а 1 февраля ответы прочитали в Комитете) Александр Бестужев представил «подробное пояснение» относительно «состава тайного общества» и «участия членов». В этом «пояснении» Бестужев недвусмысленно писал, что Трубецкой «за два дни» до выступления тайного общества, то есть 12 декабря «и во время известия о смерти (27 ноября. — М. С.) проговаривал, что нельзя ли имп.(ератрицу) Елизавету на трон возвести» (ВД. I. 443). Получалось, первоначально и

Трубецкой и Батенков думали возвести на престол женщину. Такое свидетельство находилось в противоречии с их утверждениями, что они намеревались осуществить конституционный переворот при царствующем Николае и при его согласии на это преобразование.

22 января Батенкову была дана очная ставка с Трубецким, Рылеевым и А.А. Бестужевым. «Они уличали его в том, что принадлежал к обществу, знал о его цели и подавал советы к исполнению оной» (ВД. XIV. 71–77), но Батенков «в том не сознался». Об этом была сделана запись в журнале Комитета (ВД. XVI. 70).

21 января В.И. Штенгейлю отправили вопросные пункты и на следующий день он письменно показал, что «Батенков был известен о существовании и намерении общества; а по нем или чрез него, вероятно, ведал и г. Сперанский». При этом Штенгейль сообщил, что Николай Бестужев «короток очень в доме г. Сперанского и совершенный приятель г. Батенкову» (ВД. XIV. 70). Однако свидетельства Штенгейля о связи Батенкова со Сперанским следствие не заинтересовали. Дело в том, что уже в самом конце декабря следователи приняли решение не расследовать вопрос о возможном участии высших трибуналов, то есть Сената, Синода и Государственного совета в акциях тайного общества⁹ и поэтому показания Штенгейля «опоздали».

25 января Батенков обратился к генерал-адъютанту В.В. Левашову с письмом, в котором попытался оправдаться в своём заперительстве. При этом он утверждал: «На душе моей не лежит никакой тайны, открытие которой имело бы какую-либо важность» (ВД. XIV. 78).

28 января Комитет выслушал дополнительные ответы Николая Бестужева относительно участия в деятельности общества Батенкова. Бестужев категорически отрицал какую-либо причастность Сперанского к деятельности тайного общества¹⁰ (ВД. XIV. 80). Было решено допросить Батенкова еще раз, «и если не сознается, уличить вторичною очной ставкой» (ВД. XVI. 76). 30 января Батенков столь же безуспешно попытался оправдаться в письме к Николаю (ВД. XIV. 78–79).

1 февраля Батенков изложил свои новые показания. В них он ещё раз повторил, что не был формальным членом тайного общества. Однако с той существенной оговоркой, что, «если желание перемен, готовность им содействовать, выраженная членам общества, составляют принадлежность и к самому обществу, то он готов в этом признаться». (ВД. XIV. 81–88). Батенков подчеркнул, что действительно вёл те разговоры, о которых дали показания Трубецкой, Рылеев, Александр и Николай Бестужевы, но

⁹ См. подробно: Сафонов М.М. С.П. Трубецкой против К.Ф. Рылеева (в печати).

¹⁰ Восстание декабристов. Т. II. М.; Л., 1926. С. 75–78 (далее: ВД. II).

был уверен: общество не в состоянии достичь своей цели и никогда к ней не приступит. При этом Батенков сообщил одну немаловажную деталь: в беседах с Трубецким он «объявлял свою мысль», что «обеспечение предстательного правления на твердой земле ...разрешается...возведением на престол особ женского пола, и что мы, имея двух императриц и многих великих княгинь, можем с сей стороны быть покойны». (ВД. XIV. 83). Если учесть, что и Трубецкой, согласно показаниям Александра Бестужева думал 27 ноября, «нельзя ли возвести на престол императрицу Елизавету» (ВД. XIV. 68), то это признание должно быть принято во внимание. Им Батенков фактически подтвердил: оба умеренных лидера связывали свои конституционные планы с женским правлением.

Батенков просил Комитет как «единой милости оставить при имени» его «торжественное и клятвенное отрицание от искреннего участия в сем бессмысленном и постыдным деле, коим другие, может быть, думают заслужить историческую известность» (ВД. XIV. 88).

3 февраля показания Батенкова прочитали в Комитете. Члены так охарактеризовали эти показания: «Утверждает, что изъяснял только свои мысли и чувства без намерения и в твёрдой уверенности, что общество, коего существование знал, цели своей достичь не в состоянии и даже решительно к тому не приступит». Было решено «приобщить к делу для внесения в выписку» (ВД. XVI. 85). Это означало, что с допросами Батенкова покончено, но Батенков по-прежнему продолжал настаивать на своей невинности. 9 февраля он отправил в Комитет новое показание. В нём он попытался устранить противоречия в своих прежних показаниях (ВД. XIV. 88–89). На показании есть отметка: «Читано 9 февраля», однако в журналах Комитета об этом сведений нет. Видимо, их даже не читали всем членам Комитета. Лишь месяц спустя, 8 марта, Комитет запросил Батенкова, действительно ли он на заключительном совещании заговорщиков 13 декабря предлагал «приударить в барабан», чтобы собрать больше народа? (об этом показал С.П. Трубецкой 15 февраля) (ВД. I. 66), но Батенков утверждал, что на таком совещании он не присутствовал (ВД. XIV. 89). Его оставили в покое.

Однако 16 марта произошло нечто чрезвычайное: Батенкова как прорвало. Он совершенно неожиданно «сознался». «До сего времени не признавал я себя членом тайного общества, потому что никем в оное принят не был. Но ежели желание перемены образа правления в России и готовность содействовать сей цели, изъявленное каким бы то ни было образом несколькими членами сего общества, составляет уже принадлежность к оному, то в таковой принадлежности долгом считаю чисто-сердечно признаться, равно как и в том, что я неоднократно с прочими

членами имел по сему предмету разговоры и суждения, хотя без действительного с моей стороны намерения и уверенности привести оные в исполнение» (ВД. XIV. 89). На показании есть пометка: «Читано 16 марта». Но опять же в журналах Комитета нет никаких сведений о том, чтобы этот документ вносился туда. В тот же день Батенков написал записку В.В. Левашову. В ней Батенков сообщил, что находится в «совершенном помешательстве», что может подтвердить врач. «Признание сегодня послал, — писал Батенков, — наверно, уже поздно» (ВД. XIV. 90).

Признание Батенкова может быть правильно понято и оценено только в общем контексте хода следственного процесса. 15–17 марта явились переломным моментом в ходе расследования выступления тайного общества.

В конце декабря С.П. Трубецкой начал сотрудничество со следствием. Суть этого своеобразного сотрудничества заключалась в том, что Трубецкой представлял события 14 декабря только как акцию тайного общества, опирающегося лишь на собственные силы, противодействие же Николаю со стороны гвардейских и вельможно-бюрократических верхов игнорировалось полностью. Следователи со своей стороны принимали на веру трактовку Трубецкого и в соответствии с ней разрабатывали следственный материал, отсекая всё, что выходило за пределы деятельности собственно тайного общества. Естественно, и личная роль Трубецкого представлялась как крайне умеренная, что позволило бы ему избежать смертной казни. Поэтому, когда в конце декабря члены Комитета получили сведения о том, что в присутствии Трубецкого обсуждался вопрос об убийстве Николая, следователи так повели дело, что этот сюжет был изъят из расследования, а диктатор к вопросу о цареубийстве оказался непричастным.¹¹ Соответственно решался вопрос и об организаторе выступления 14 декабря. В 20-х числах января следователи пришли к убеждению, что основным виновником мятежа являлся Рылеев, бывший главной пружиной военного выступления. Однако карты следствию спутал В.И. Штенгейль. 9 февраля он показал, что накануне выступления тайного общества «против особы государя восставал князь Оболенский; Бестужевы, Каховский и, наконец, сам Трубецкой требовали как необходимости, чтобы принести его на жертву, но сей последний полагал, что надобно оставить Александра Николаевича, чтобы объявить его императором» (ВД. XIV. 160). Следователи резюмировали, «что в совещаниях у Рылеева пред происшествием 14 декабря князь Трубецкой и князь Оболенский решительно требовали смерти государя императора» (ВД. XVI. 97).

---

¹¹ См. подробно: *Сафонов М.М. К.Ф. Рылеев против С.П. Трубецкого* (по материалам следственного комитета). С. 58–60, 67.

Было принято решение «передопросить по сему князя Трубецкого и Оболенского и для узнания истины, в случае отрицания, спросить о сем Рылеева, Пущина и Бестужевых» (ВД. XVI. 97). Совершенно неожиданно для следствия Трубецкой вновь оказался причастным к царевубийственным замыслам. Но такая трактовка следователей не устраивала.

15 февраля Трубецкого передопросили. После устного допроса были составлены письменные вопросы (ВД. I. 55–56). Трубецкой отвечал на них письменно же (ВД. I. 57–74). В этих показаниях самих объёмистых за весь период следствия, Трубецкой был вынужден признать, что присутствовал при обсуждении вопроса о царевубийстве и даже сам требовал принести Николая на жертву, но это было в состоянии аффекта (ВД. I. 63). Подлинные же планы диктатора, тщательно выношенные и хладнокровно обдуманые, были совсем иные. Трубецкой в этих ответах представил в развёрнутом виде свой тезис о том, что он играл пассивную роль при подготовке выступления. Ещё раз с новыми подробностями Трубецкой изложил свой план действий на 14 декабря. Он объявил своими все самые умеренные элементы этого плана военной демонстрации, заимствованные у Батенкова. Батенков же, по словам диктатора, при принятии окончательного решения выступал с более радикальных позиций: предлагал произвести как можно больше шума: «в барабан приударить, потому что это соберёт народ», и, кажется, предлагал занять Петропавловскую крепость. Но Трубецкой был против.

Письменные ответы Трубецкого были прочитаны в Комитете 19 февраля. Характерна реакция следователей. В журнале этого заседания записано: «Взять в соображение и обстоятельства, раскрывающие неизвестные ещё мнения и действия некоторых соучастников сего происшествия, привести в надлежащую ясность» (ВД. XIV. 108), т.е. Комитет нашёл нужным прояснить действия коллег Трубецкого по конспирации, но не его самого.

Обычно, когда в Комитете появлялись такого рода сведения, назначалась очная ставка, и этот в глазах членов Комитета важнейший вопрос прояснялся в первую очередь. Однако в случае с Трубецким Комитет этого важного факта даже не занёс в журнал. Ничего не упомянуто в журнале и о намерении Трубецкого возвести на престол малолетнего великого князя Александра Николаевича, и это тоже не случайно, хотя основания для дальнейшего расследования этого сюжета были нешуточные.

16 марта в Комитете читали показания И.И. Пущина, М.А. Бестужева, А.А. Бестужева, допрошенных в течение двух предыдущих дней относительно свидетельств Штенгейля. Однако все трое допрашиваемых отрицали, что на совещаниях, предшествующих 14 декабря, было

решено истребить императорскую фамилию и покуситься на жизнь Николая (ВД. XVI. 130, 131), но каждый делал это по-разному. Показания Михаила Бестужева рисовали Трубецкого как противника «решительных» мер Рылеева. Такие же выводы можно было сделать и из показаний И.И. Пущина (ВД. II. 217). Александр Бестужев относительно царубийственных замыслов Трубецкого косвенно подтвердил, что они были связаны с малолетним великим князем Александром Николаевичем. «Трубецкой поддавал мнение, — писал Бестужев, — чтобы возвести Елизавету, потом говорил и о Александре Николаевиче, но когда и в одно ли время — не упомяну». Кажется, говорил и о том, чтобы принести на жертву императора, но что касается до истребления императорской фамилии, то об этом при А.А. Бестужеве речи не было (ВД. I. 450). «Что же принадлежит до мнения об истреблении особы Государя императора и августейшей семьи, о такой материи и не было рассуждаемо, как о намеренном деле». Однако вопрос этот всё же затрагивался. «Сколько помню и кн(язь) Трубецкой говорил о том между разговором, и если это у кого-нибудь вырвалось, то не более как безнамеренная бравада».

Итак, Александр Бестужев подтвердил: Трубецкой упоминал об истреблении Николая и думал о женском или детском правлении с регентом или же о том и другом вместе.

Вначале, 16 марта члены Комитета приняли решение уличить Пущина, Михаила и Александра Бестужевых очными ставками.¹² Но эта идея тоже вскоре была оставлена. Члены Следственного комитета не стали исследовать вопрос о планах общества совершить дворцовый переворот в пользу императрицы или малолетнего великого князя и, пользуясь его малолетством произвести конституционный переворот. Следователи решили свести все лишь к плану царубийства. При этом они постарались представить диктатора непричастным к таковому замыслу.

После того как «невиновность» Трубецкого в вопросе о царубийстве была почти доказана, следователи стали заниматься другими фигурантами этого дела.

В потенциальные царубийцы были первоначально намечены А.И. Якубович и П.Г. Каховский. 15 марта в Комитете допрашивали Якубовича. Журнал заседания 15 марта сообщает, что в этот день Якубовича допрашивали лишь о предмете, не относящемся непосредственно к показаниям Штенгейля.

В журнале 17 марта появилась запись: Якубович «неопределённо и неясно отвечает на данные вопросы». Первоначально члены Комите-

¹² На вопросных пунктах Пущина рукой В.Ф. Адлерберга была сделана помета «Составить допросные пункты по всем статьям, в которых не сознается, поместя и сие для допроса в общем присутствии» (ВД. XVI. 351).

та хотели заставить Якубовича рассказать гораздо более, чем он показал, и записали в журнале: «Обратить к нему с приказанием отвечать с большой откровенностью и прямо не уклоняясь от вопросов» (ВД. XVI. 132). Однако «потенциального царевубийцу», «разрабатывать» не стали и решили оставить в покое. На полях журнала 17 декабря появилась надпись В.Ф. Адлерберга: «По положению, сделанному в другом заседании, не обращаться, а принять к сведению (ВД. XVI. 132). Члены Комитета передумали. Главным «режисидом» стал Каховский.

Близость Якубовича к военному генерал-губернатору М.А. Милорадовичу, связь с которым подследственный не только не скрывал, но в начале следствия пробовал даже афишировать, делало неудобным признать его главным «режисидом». Поэтому для следователей было предпочтительней отвести такую роль кому-то другому. Именно П.Г. Каховский, который «более всех прочих оказывал зверства», лучше других в силу особенностей своего характера подходил для роли главного царевубийцы и готов был взять на себя всю тяжесть ответственности.

15 марта Каховский был допрошен. Он показал: тайное общество намеревалось захватить дворец и подвергнуть насилию августейшее семейство. Каховский сообщил ещё одну важнейшую подробность заключительного совещания 13 декабря, на котором Рылеев отдавал свои распоряжения на завтрашний день. Руководитель выступления предложил ему завтра утром убить императора Николая (ВД. I. 347).

Поскольку подозрение в царевубийственных замыслах падало и на Е.П. Оболенского, он тоже согласно решению Комитета 12 февраля должен был быть передопрошен. 14 марта ему были предъявлены показания Штейнгейля. (ВД. I. 243–244). Оболенский категорически отверг утверждение о том, что он «в особенности восстал против государя» и предлагал истребить императорскую фамилию. Но никаких доказательств в опровержение этого обвинения Оболенский представить не мог (ВД. I. 246). Мнения Трубецкого о принесении государя в жертву Оболенский не слышал. «Утвердительно говорю, что он при мне не излагал онога», — категорически заявил Оболенский. Если кто-либо говорил против особы государя, это было плодом воображения, а не рассудка. Однако Оболенский был вынужден признать, что вопрос об убийстве Николая обсуждался Рылеевым и Каховским в отсутствие Трубецкого (ВД. I. 248). Показательна запись в журнале Комитета 16 марта относительно ответов Оболенского: «Объявляет совершенно то же, что и Каховский, касательно возложенного на сего последнего Рылеевым совершения царевубийства» (ВД. XVI. 130).

Комитет не пошёл путём очной ставки Штенгейля и Оболенского, которая могла бы прояснить, что за предложения исходили от него само-

го, а что предлагал Трубецкой. Следователи сочли вполне достаточным, что Оболенский косвенно подтвердил: Рылеев поручал Каховскому убить царя. О том же, что и Трубецкой требовал того же «как необходимости», предпочитали не расспрашивать. Очевидно, идейным вдохновителем царевбийственных замыслов был уже определён Рылеев.

На следующий день, 17 марта, Каховскому дали дополнительные письменные вопросы. Комитет желал знать, с кем, где и когда Каховский обсуждал вопрос об истреблении императорской фамилии. Не выдвигал ли он сам предложений такого рода, и какова была реакция окружающих. Каховский взял Трубецкого под защиту. Диктатор никак не был причастен к плану царевбийства. Каховский не стал называть никого конкретно, но заметил, что это мнение разделялось всеми, и каждый может сам признаться (ВД. I. 348). 18 марта показание Каховского было оглашено в Комитете (ВД. XVI. 134), и оно сделало ненужным очные ставки Пущина и братьев Бестужевых. Всё стало как бы предельно ясно: главный «режисид» Каховский, идейный вдохновитель царевбийства — Рылеев.¹³

Едва ли случайно, признание Батенкова появилось тогда, когда А.А. Бестужев своими показаниями, прочитанными в Комитете 16 марта, подтвердил: Трубецкой намеревался принести в жертву Николая, говорил о возведении на престол Елизаветы и великого князя Александра Николаевича, допускал возможность убийства царя и его семьи (ВД. I. 450).

Впоследствии, уже после освобождения, Батенков писал в письме к неизвестному о том, что в Комитете ему «ничего было показывать». «Он подробно и больше написал, нежели было». Его «признали невиновным и велено было освободить». Но «лукавый дернул сидевшего возле меня А. Бестужева, — вспоминал Батенков, — с которым мы в продолжении времени и разговаривали через каменную стену, упомянуть меня как-то. Вот и не решились отпустить».¹⁴ Конечно, об освобождении Батенкова в марте, речи не шло. Он, несомненно, стучал краски. Однако указание на то, что именно показания Александра Бестужева, явились переломными в судьбе Батенкова, весьма показательны. Немаловажно и признание Батенкова: с Бестужевым они держали друг друга в курсе хода следствия. Отчасти этим можно объяснить дальнейшие шаги, предпринятые Батенковым.¹⁵

¹³ См. подробно: *Сафонов М.М.* К.Ф. Рылеев против С.П. Трубецкого (по материалам следственного комитета) С. 75–80.

¹⁴ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. II. С. 121.

¹⁵ Поразительно, что заключённые в одиночных камерах члены тайного общества располагали точными сведениями о ходе расследования, а в некоторых случаях даже имели контакты с внешним миром. В этом смысле весьма показательна история с письмом В.И. Штенгейля, переданным А.И. Ростовцевой, сестре известного Я.И. Ростовцева. 14 марта вдовствующая императрица Мария Фёдоровна записала в своём дневнике рассказ Николая о визите Якова Ростовцева во дворец 12 декабря 1825 г. Тут же она пометила:

18 марта, т.е. тогда, когда в Комитете уже были готовы распределить роли между «душегубами», а диктатору выдать аттестат невинности, Батенков представил следователям документ, в котором всю ответственность за произошедшее 14 декабря взял на себя. «Странный и ничем неизъяснимый припадок, продолжавшийся во время производства дела, — писал Батенков, — унизил моральный мой характер и лишил меня плодов дел моих». Но душевные силы вернулись. Поэтому Батенков решил представить показание, которое «определил истинное участие» его в рассматриваемом деле. Оно должно показать, что Батенков «в существе не был тот», каким являл его «припадок». «Стыжусь всего, что по сие время ни делал». Батенков попросил уничтожить все его прежние показания и сделал важнейшее признание: «Во мне видеть должно главнейшее лицо в последнем покушении, виновника политического, более опасного, нежели достойного посмеяния. Постыдным образом отрицался я от лучшего дела в моей жизни. Я не только был член тайного общества, но член самый деятельный. Предприятие, план его, цель покушения — всё мне принадлежит или во всё я принимал великое участие» (ВД. XIV. 90). Тайное общество носило политический характер. Оно состояло из людей, которыми Рос-

---

«Теперь только что обнаружили, что одним из заключённых при содействии одного инвалида отправлено в город письмо; впрочем, письмо не имело иной цели, кроме желания заключённого получить известия от приехавшей из Москвы жены» (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 101). Речь шла о В.И. Штенгейле, который посылал обслуживавшего подследственных инвалида А.О. Рыбаконенко, с записками в дома Кусовых и Ростовцевых. Когда это дело оказалось раскрытым, Рыбаконенко был наказан шпицрутенами, а Штенгейль давал письменные объяснения плац-майору крепости Е.М. Подушкину. Из этих объяснений явствует, что Штенгейль послал инвалида в дом Ростовцевых, якобы узнать «не слышно ли чего о решении нашей участи». С барыней инвалиду встретиться не удалось, но её брат Я.И. Ростовцев просил передать Штенгейлю, что «государь милосерд, и потому, может быть, помилует всех их несчастных и что, впрочем, он будет говорить с ...великим князем (Михаилом Павловичем. — М. С.) и потому просит зайти наведаться» (В.И. Штенгейль — Е.М. Подушкину 25 марта 1826 г. // *Штенгейль В.И.* Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма. Иркутск, 1985. С. 232—233). Как видим, речь шла вовсе не о том, чтобы получить известия от приехавшей из Москвы жены. Хотя Штенгейль заверял: «Вот вся история без малейшей утайки», очевидно, он многое утаил. Обращает на себя внимание, что, судя по дневнику Марии Фёдоровны, Штенгейль отправил своё письмо именно в тот момент, когда в Комитете начались допросы относительно его показания о требовании принести в жертву Николая. Такое совпадение дат едва ли случайно. Немаловажно и соседство двух сюжетов о Ростовцеве, предупредившем Николая о грозившей ему опасности, и письме Штенгейля самому Ростовцеву. Это наводит на мысль, что между двумя этими сюжетами тоже есть определённая связь. Впрочем, и сам Штенгейль в мемуарной «Записке о восстании» прямо писал о том, узнав о намерении Каховского убить Николая, Ростовцев, облагодетельствованный великим князем, решил предупредить его высокочество о грозившей ему опасности (В. И. Записка о восстании // *Штенгейль В.И.* Сочинения и письма. Т. 1. С. 151—152). По всей видимости, Штенгейлю было необходимо сообщить Ростовцеву что-то важное в тот момент, когда вопрос о царевубийстве вновь был поднят в Комитете. Во всяком случае, обмен информацией налицо.

сия всегда будет гордиться. Поэтому Батенков настаивал на том, что он «имеет полное право» разделить с членами тайного общества «всё, — не выключая ничего». Цель выступления тайного общества — если «не оспаривать», то, по крайней мере, «привести в бореение права народа и права самодержавия». Даже в том случае, если бы не удалось достичь успеха, такое выступление оставило бы «историческое воспоминание». Особо Батенков подчеркнул, что «никто из членов не имел своекорыстных видов». Выступление 14 декабря было не мятежом, но опытом политической революции. К своему стыду Батенков именовал его мятежом, но в действительности это «опыт почтенный», не только в истории России, но и в глазах других просвещённых народов. Чем меньше было число участников этого выступления, тем оно славнее. Хотя голос свободы звучал всего несколько часов, но важнее всего то, что он прозвучал. Батенков сознался, что хотел начать выступление ещё 27 ноября, но для этого не было возможности. Цель выступления заключалась в следующем: воспользовавшись тем, что в результате междуцарствия Россия оказалась свободна от присяги самодержавию в лице царствующих особ, «приостановить действие самодержавия, наименовать временное правительство, которое учредило бы в губерниях избирательные палаты для собрания депутатов, обратило бы в одну палату нынешние Синод и Совет и совокупно с ними определило бы присягу императору. Это был мой план, и никто его оспорить не может». Батенков требовал, чтобы ему была оказана справедливость и возвращено то место в этом деле, которое ему «принадлежит неоспоримо», и которое он потерял «единственно от болезни» (ВД. XIV. 91).

В высшей степени удивительное заявление в устах человека, который почти три месяца делал всё, чтобы убедить следователей в том, что он не только не принадлежал к тайному обществу, но даже не был осведомлён о его намерениях и планах! Если же учесть тот контекст, когда было сделано это заявление, то становится ясно: Батенков решил взять всю ответственность на себя, когда Трубецкой оказался на волоске. Когда перед диктатором ясно обозначилась перспектива быть обвинённым в том, что он требовал совершения царубийства, Батенков неожиданно выдвинул себя на первое место. Он не только заявил, что был во главе всего предприятия, но особо подчеркнул: оно носило исключительно благородный характер, было лишено «своекорыстных видов» и представляло собой политическую революцию, имевшую цель введение конституционной монархии. Примечательно, что в этих планах для царубийств места не было. Это следует подчеркнуть особо.

В тот же день, 18 марта, Батенков дополнил свое показания относительно способов, с помощью которых он надеялся достичь цели. «Отно-

сительно средств предприятие основано было на моей мысли; а именно, чтоб, подняв войска именем государя цесаревича, идти от полка к полку, собирать более народа, не делать и малейших беспорядков, — сие я считал тем более возможным, что солдаты должны надеяться в случае неуспеха — амнистии; а в случае превозможения с их стороны — награды от его высочества. Между тем предположено было начать внушение о том, чего могут они ожидать в личную пользу; а ежели счастье будет благоприятствовать до того, что удержимся на целую ночь, то дать первоначальные понятия и о цели покушения. Вот моё участие в делах общества» (ВД. XIV. 91). Объявив себя главным, он как бы давал понять следствию: кто, как не главный досконально знает планы всего общества.

Как видим, Гавриил Степанович изложил план, который в материалах следствия ранее фигурировал как план Трубецкого, выработанный совместно с Батенковым. Но авторство этого плана Батенков теперь настойчиво предписывал себе лично. Однако декабрист старался напрасно — его самоотверженность оказалась Комитету ненужной. У следователей заявление Батенкова вызвало недоумение. 18 марта в журнале Комитета было записано: «Показание подполковника Батенкова: прося уничтожить прежние его ответы, объявляет, что был виновник и главное лицо всех намерений и покушений 14 декабря; гордиться сим, ибо почитает покушение сие благороднейшим делом. Положили: просьбу оставить без внимания и допросить вновь в присутствии» (ВД. XVI. 85). Батенкова допросили в тот же вечер. Видимо, допрос длился долго. Он окончился в половине первого ночи. Журнал так передаёт итог этого допроса: «Ничего нового не открыл против первых его показаний и потому заключить должно, что он или хотел продолжать упорное заперательство, или из непостижимых видов принимает на себя звание главного начинщика возмущения 14 декабря, не быв таковым». Комитет решил: «Дать ему новые пространные допросные пункты» (ВД. XVI. 134). Однако ни пространных, ни коротких вопросных пунктов Батенкову представлено не было. Во всяком случае, в его деле таковых нет (ВД. XVI. 352). Видимо, в Комитете постигли, в чем состояли «непостижимые виды» Батенкова, но делали вид, что этого не понимают. Его «откровения» следователям были не нужны.

В тот же день 18 марта Батенков написал письмо Николаю с просьбой пересмотреть его дело, не вменяя «безумие в преступление» (ВД. XIV. 91–93).

Царь вызвал Батенкова во дворец. Из встречи с императором Батенков вынес впечатление, что Николай смотрит на него как на посредника между обществом и Сперанским (ВД. XIV. 111). Перед Батенковым вста-

ла задача рассеять это впечатление. В письме к неизвестному, написанному уже после освобождения, Батенков сообщил: «Большого Левашов привёз меня опять к государю, который приказал сказать мне уже такие вещи, которых и он не знает, как единственное средство пощады».¹⁶

Батенкову предстояло теперь сообщить следствию нечто необычное и при этом во что бы то ни стало выгородить того, на кого падало царское подозрение, пусть даже ценой самоговора.

Батенков опередил Комитет, представив к следующему заседанию 20 марта новые показания, открывавшие «преступную тайну». Если за два дня до этого он заявлял: никто в тайном обществе не преследовал своекорыстных целей, то теперь Батенков попытался убедить Комитет в том, что он-то сам руководствовался в этом деле не чем иным, как личными интересами. Это и была «преступная тайна», которую он не желал сокрыть в своей могиле. Поэтому, дабы развеять противоречия и неясности в своем поведении, Батенков решил открыть истинные свои отношения к тайному обществу. Они заключались в том, что, вступив в общество, Батенков разделял с его лидерами пламенное чувство любви к родине, однако к этому чувству примешивалось его «собственное честолюбие». Он мечтал о славе «истинного утвердителя в России представительного правления».

«Когда я узнал чрез Рылеева, — признавался Батенков, — что общество имеет достаточно силы, дабы решиться на покушение 14 декабря, и что не почитает возможным достигнуть своей цели, не принеся в жертву особу ныне царствующего императора, дабы пользуясь малолетством наследника, не встретить препятствия ко введению конституционного правления, и что избирает меня в число членов временного правительства, я сколько по уверенности в том, что сия перемена полезна государству, столько и для предстоящей мне лично славы, принял участие в сем покушении, тем более, что оно представляло вид законности».

Членами временного правительства предполагали назначить Н.С. Мордвинова и М.М. Сперанского, но Батенков опасался, что при Сперанском сам он не сможет играть ту выдающуюся роль, к которой стремился. Поэтому он скрывал от Сперанского свои связи с тайным обществом и намеревался устроить так, чтобы вместо Сперанского в правительство была бы назначена «одна духовная особа» (как потом выяснилось, архиепископа Филарета). Мордвинова же должен был в скором времени заменить Трубецкой, ибо адмирала рассчитывали назначить лишь для вида, учитывая значимость его имени. «Таким образом, — продолжал свои “признания” Батенков, — я имел надежду воспользоваться предприятием тайного общества, утвердить связи с первыми людьми учреж-

---

¹⁶ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. II. С. 121.

дением родовой аристократии и, продолжив существование временно-го правительства в виде регентства, управлять государством именем его высочества Александра Николаевича, занять в истории место истинного утвердителя в России представительного правления и прославиться приведением в действо многих полезных предположений. По краткости времени план сей не мог быть подробно мною обдуман, и вообще я предполагал действовать сообразно с обстоятельствами» (ВД. XIV. 92). Одним словом, честолюбец, да и только.

В «откровениях» Батенкова интересно, прежде всего, то, что он признаёт: общество действительно пришло к заключению, что единственным средством достижения своей цели было убийство Николая. Идея эта исходила от Рылеева. Цель же предприятия состояла в том, чтобы возвести на престол семилетнего его сына Александра и, воспользовавшись его юным возрастом, ввести конституционное правление. Этим «признанием» Батенков косвенно подтверждал справедливость показаний Штенгейля, но в отличие от него переносил всю тяжесть ответственности с Трубецкого на Рылеева, поставив его во главе царевубийственного предприятия. Конечно же, «признаваясь» в том, что именами Сперанского и Мордвинова Батенков хотел воспользоваться лишь для того, чтобы сосредоточить власть в своих собственных руках, он в действительности стремился отвести подозрения от этих сановников в соучастии. Это было более чем очевидно.

Примечательно, что всего два дня спустя после первого «признания» Батенковым себя главным организатором и автором бескровного плана выступления, подследственный уже был прекрасно осведомлён о том, что Комитет к тому времени уже наметил и конкретного царевубийцу и основного вдохновителя кровавого предприятия. Видимо, это результат переговоров «через каменную стену» или каких-либо иных нам неизвестных контактов.

Однако крайне любопытно, что, приоткрывая планы тайного общества провозгласить императором великого князя Александра (а ведь следствие уже располагало данными, что таковы были намерения Трубецкого, хотя и Оболенский и Рылеев, это всячески отрицали), Батенков совсем не заинтересовал Комитет своими открытиями. Во всяком случае, следователи не считали нужным выяснять вопрос о намерении Трубецкого произвести дворцовый переворот, воспользовавшись для этого царевубийством. Совершенно не интересовались они, действительно ли Трубецкой вначале хотел возвести на престол Елизавету, а потом «перероентировался» на малолетнего великого князя, или Елизавета должна была править при малолетнем императоре.

Это не должно удивлять. У них были для этого веские резоны. Недаром в журнале было зафиксировано, что идея принести в жертву Николая исходила от Рылеева, как то и показывал Батенков (ВД. XIV. 92), хотя в действительности этого требовал Трубецкой.

20 марта Комитет рассмотрел написанное Батенковым. В журнале упоминается два показания. Первое — то, которое Батенков написал 18 марта вместе с дополнением к нему (ВД. XIV. 90–91). Второе же содержало подтверждение о том, что Батенков никогда не смел говорить со Сперанским о тайном обществе. Этого показания в деле нет, но, несомненно, оно было написано в результате встречи с царем (ВД. XVI. 352). Комитет положил: «Взять в соображение» (ВД. XVI. 134).

22 марта в Комитете было прочитано новое показание Батенкова — полная его «биография и отчет в самых сокровенных мыслях» (ВД. XIV. 93–100). По словам Комитета, это было показание «пространное и преисполненное противоречий, в коем видно только одно откровенное признание, что честолюбие и личные виды были побудительными причинами его участия в тайном обществе» (ВД. XVI. 139), т.е. то, что честолюбие являлось главным побудительным мотивом всех действий Батенкова, Комитет признал истинным. Естественно, следователи увидели, что хотели увидеть. Между тем в этом показании были обрисованы планы Трубецкого и совсем не те, что сам Сергей Петрович представлял в Комитете. При этом надо иметь в виду, что ситуация уже изменилась, обвинение Трубецкого в призывах к цареубийству как бы растворилась среди других допросов, главным обвиняемым в цареубийственных замыслах стал Рылеев, а потенциальным исполнителем Каховский. Очевидно, это важное обстоятельство заставило Батенкова по-иному расставить акценты в своих новых показаниях. Теперь Батенков должен был думать о том, как представить свою собственную роль в наиболее безобидном виде. Трубецкой был уже «спасён». Вскоре ему позволили свидание с сестрой, а после и с женой. Батенков же пытался «спасти» себя за счет уже «спасённого» Трубецкого. Во всяком случае, он старался представить свою роль более «невинной» и менее радикальной, нежели диктатора.

Батенков, составляя своё показание, вновь вернулся к прежней тактике представлять своё участие в деятельности тайного общества почти случайным. Он утверждал, что в предварительных беседах с членами тайного общества высказывал свою задушевную мысль: «перевороты снизу, от народа, опасны и лучше средство придумать так, чтоб овладеть самыми слабым пунктом в деспотическом правлении, то есть верховной властью, употребив интригу или силу» (ВД. XIV. 96). При этом Батенков вынашивал идею создать контр-тайное общество, которое бы занима-

лось тем, что в интересах правительства нейтрализовало бы деятельность конспиративных антиправительственных организаций. Он якобы даже думал о том, чтобы общество Рылеева преобразовать в такого рода орган. В случае же неудачи открыть правительству существующее в Петербурге тайное общество и указать на Трубецкого. Однако события междуцарствия придали делам совсем иной оборот. Хотя оно представило редчайший в истории случай добиться цели тайного общества законным путем, но силы конспирации оказались слишком слабыми для этого. Поэтому Батенков убеждал Трубецкого оставить все замыслы на 10 лет, а потом произвести перемену не мятежом, а простым требованием. Но Трубецкой сообщил, что есть несколько войск, с которыми можно «покуситься на предприятие перемены» и предложил Батенкову свой план немедленных действий. Другими словами инициатива исходила от Трубецкого. Он говорил, что на юге хотят учредить республику, но она «устоять не может». «Мы согласились в том желании, чтоб, приостановив действие самодержавия наименовать временное правительство, которое бы распорядило в губерниях избирательные камеры и собрало депутатов, как прежде согласился я с Рылеевым, от дворянства, купечества, духовенства и поселян, потом совокупно с ними преобразовало бы верхнюю палату и принесло присягу ныне царствующему государю». Батенков хотел, чтобы члены верхней палаты были бы наследственными. Трубецкой же настаивал на пожизненном избрании. Батенкову пришлось уступить.

Важнейшая черта построений Батенкова состоит в следующем: власть передается Временному правительству, оно созывает депутатское собрание и вместе с ним образует верхнюю палату и приносит присягу Николаю. Ни о каком Великом соборе, с функциями учредительного собрания, речь не идет, как и возможности введения республики.

Видимо, настроения в Комитете уже несколько изменились. Это явствует из писем Трубецкого к жене. Смертельная опасность миновала, и Батенков поспешил, если не реабилитировать себя, то значительно поправить своё положение, которое он, спасая Трубецкого, чуть было значительно не ухудшил. Показательно, что теперь Батенков старается всячески подчеркнуть свою лояльность к Николаю и поэтому даёт понять, что он планировал передать власть после конституционных преобразований самому Николаю. План же передачи власти малолетнему Александру Батенков связывает с именем Трубецкого. При этом идея Трубецкого представлена в виде догадки.

«Я не рассматривал вопроса, что делать тогда, когда государь не примет и не даст принуждённой присяги, но догадывался, что Трубецкой считает возможным данную присягу цесаревичу принять за

отречение и переменить образ правления, провозгласив государем наследника и пользуясь его малолетством.

Кто должен был принять присягу Николая Константиновича за его отречение, Батенков не говорит. Очевидно, высшие трибуналы: Государственный совет, Сенат, Синод, но, делая такое построение, Батенков отводит следствие от естественно возникающего вопроса, если Николай не согласится принять условия заговорщиков, его следует принести в жертву?

План строился на верности войск присяге Константиновича. Такой план давал возможность избежать беспорядков, в случае же неудачи избежать наказания.

«Мне хотелось ещё отвратить всякую опасность от дворца и от всего города». Для этого Батенков предполагал вывести войска за город. Это давало бы возможность получать подкрепления или успешно ретироваться. Этот план сообщён был Трубецкому около 8 декабря «в виде простого и нерешительного разговора о возможности перемены». В глубине души Батенков не верил, что что-нибудь могло быть предпринято. Но когда ему Рылеев намекнул, что он может быть членом Временного правления, то Батенков предался честолюбивым мечтаниям, стал обдумывать, как бы избавиться от Сперанского, чтобы самому играть важнейшую роль в этом органе. Для себя Батенков решил в случае принятия условий Николаем, не принимать места во временном правлении, а перейти к нему. «В случае отречения государя и объявления наследника принять место во временном правлении, дабы обратить оное в регентство и мало-помалу утвердиться, получив силу введением родовой аристократии и, составив, таким образом, связи, действовать по обстоятельствам».

Только после подавления выступления из официальных правительственных документов Батенков с ужасом узнал, что планы тайного общества «были преступнее», нежели он думал. Эти планы оставались Батенкову неизвестными, ибо их приняли вероятно, только 13 декабря, после его встречи с Рылеевым (ВД. XIV. 99–100). Батенков имел в виду правительственные публикации, в которых объявлялось, что целью бунтовщиков были «убийства».¹⁷

Члены Комитета не могли не заметить, что ранее Батенков утверждал, что накануне 14 декабря ему было известно, что тайное общество решило принести в жертву Николая, ибо видело в этом единственное средство в сложившихся условиях ввести конституционное правление, и он с этим согласился. Теперь же Батенков пытался убедить всех, что «ужасные планы стали ему известны» только после событий. Эта метаморфоза легко объясняется влиянием встречи с царем, после которой

¹⁷ Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1825. 15 декабря.

Батенков, по его словам, «уверился, что потерял себя навсегда в мнении государя» (ВД. XIV. 112). Теперь он старался, во что бы то ни стало, поправить положение. Но следователи так аттестовали его показание: «...пространное и преисполненное противоречий и неискренности, в коем видно только одно откровенное признание, что честолюбие и личные виды были побудительными причинами его участия в тайном обществе». Комитет постановил: привести «противоречия в ясность, дав Батенкову и другим лицам дополнительные допросы» (ВД. XVI. 139). Примечательно, что планы Трубецкого комитет не интересовали вовсе.

В тот же день, 22 марта, Батенков представил дополнительные показания — обзор своих поступков с 27 ноября по 14 декабря. Этим документом он вновь попытался реабилитировать себя в глазах императора. В сопроводительном письме к Левашову, написанном на следующий день, Батенков просил спасти его «от тех двух бумаг, кои написал в совершенном отчаянии». Теперь Батенков утверждал, что «не слышал ни одного слова, по которому мог заключить, что покушение 14 декабря предпринято против кого-либо из императорской фамилии и чтоб имели тогда в виду введение демократического правления» (ВД. XIV. 106). Тогда же Батенков вновь обратился с письмом к царю. В этом обращении Батенков сокрушался, что «сделался сам своим ужасным клеветником и обвинителем», другими словами, он отрекся от недавно сделанных признаний (ВД. XIV. 106).

В обзоре своих поступков, который сопровождал письма к царю и Левашову, Батенков всячески подчёркивал неосведомлённость Сперанского о планах тайного общества. Относительно своих личных планов Батенков писал, что его идея состояла в том, что сразу же после кончины Александра I, когда Николай присягнул Константину, следовало эту присягу принять «за отречение» и провозгласить императором великого князя Александра (ВД. XIV. 101). На собраниях у Рыльева были люди, готовые броситься к солдатам и провозгласить Елизавету или Александра. Но порыв этот не реализовался. Батенков одно время даже думал о том, чтобы составить для нового царя записку о состоянии России, показать в ней, что в стране уже появились тайные общества и указать на Трубецкого. Но Батенков опасался, что ему не поверят. Теперь Батенков представлял себя сторонником великого князя Александра, а о женском правлении он полностью забыл, о котором говорили лишь другие лица.

Примечательно, что Батенков вдруг заговорил о А.И. Якубовиче. Пока над Якубовичем висело клеймо потенциального цареубийцы, он отрицал близкое знакомство с Якубовичем. Батенков настаивал на том, что случайно виделся с ним только на именинах. (ВД. XIV. 76, 97). Теперь

следователи перестали видеть в Якубовиче «главного режиссида». Комитет располагал его показаниями о том, что он придерживался лишь мирной тактики, т.е. привести солдат на Дворцовую или Сенатскую площадь и требовать Константина в надежде побудить тем самым Николая отказаться от власти (ВД. II. 289). И Батенков изменил свои свидетельства: «Идучи один раз по тротуару, встретил Якубовича и говорил ему, что молодёжь наша горячиться умеет, но смешно на них в чём-нибудь надеяться, что вернее будет, оставив их при мечтах о конституции, закричать пред толпою народа в пользу удаляемого государя и, ежели погибнуть, то, по крайней мере, оставить воспоминание» (ВД. XIV. 102). В другой раз Батенков сообщил о Якубовиче следующее: «Я решил зайти к Якубовичу ...Мы разговаривали долго, я убеждал Якубовича, чтобы он отстал от молодёжи, которая на словах только храбрится, а лучше бы сам собрал толпу и заставил бы, по крайней мере, кого-нибудь из членов царской фамилии вести с собою переговоры» (ВД. XIV. 103). Другими словами, Батенков старался реабилитировать себя в глазах следствия тем, что пытался предстать перед ним человеком, который направил Якубовича, имевшего репутацию потенциального царевича, на путь мирного давления на власть.

Рассказывая о своих беседах с Трубецким, Батенков нарисовал их общий план, о котором он говорил подробно в предыдущем показании. Однако здесь уже появилась новая деталь. Оба конспиратора опасались, что вся гвардия будет против Николая, им же нужна была запутанная династическая ситуация. Поэтому предложил разделить «конституционеров» на сторонников Николая и приверженцев Константина. Если перевес будет на стороне цесаревича, то либо Николай согласится провозгласить представительный образ правления и признает временное правление, либо же отложит своё вступление на престол, и тогда можно будет «принять сие за отречение» и провозгласить императором Александра.

В этом варианте показаний Батенков приписывает себе инициативу возвести на престол малолетнего сына Николая — ранее он давал понять, что это была идея Трубецкого. Теперь же Трубецкой подаётся так, что он отрекался от выступления ещё до его начала. «Трубецкой сказал мне, что войск, кои могут быть употреблены, немного, что никто из важных военных лиц в сем предприятии участвовать не захочет и что нет даже полковых командиров. Батенков же с ним полностью согласился: «Так и думать не о чем, ибо всякое предприятие опасно». Получалось, что они оба были против выступления 14 декабря.

Рылеев же аттестуется как активный сторонник выступления. Два дня спустя он пригласил к себе Батенкова и сообщил ему, что на сто-

роне либералов может быть «целый полк». Он настаивал на выступлении. На собрание был специально приглашен и Трубецкой, но из всех разговоров можно было лишь заключить, что присутствовавшие желали видеть в России конституционную монархию. Кто-то говорил, что надо овладеть дворцом, но Батенков произнёс против этого целую речь. Больше он с Трубецким не виделся. 13 декабря днём Батенков в разговоре с Александром Бестужевым говорил, что, если собрать немного войск и с барабаном пройти от полка к полку, можно наделать много «славных дел». Говорил о своём желании видеть на престоле Елизавету или Михаила Павловича. Утром 14 декабря мечтал о своём участии во временном правлении, но когда начались выступления, забыл и «о пользе революции», и о чести быть членом Временного правления, желал только того, чтобы всех революционеров скорее «переловили» (ВД. XIV. 103—105).

Однако, представляя себя в таком малопривлекательном виде, Батенков старался напрасно. Комитет заключил: «Все сии обстоятельства почти совершенно ничтожны и не служат ни к оправданию, ни к вящему обвинению». Было решено приобщить их к другим показаниям Батенкова (ВД. XVI. 143).

26 марта Батенков просил Левашова о новой встрече с Николаем. При этом он умолял генерал-адъютанта «вразумить... каким образом... должен вести себя там, где гласность всё делает невозвратным», дабы не лишиться себя возможности воспользоваться милосердием государя не в меньшей степени, чем это делают другие, более виновные (ВД. XIV. 107).

28 марта Батенков написал обширное сочинение о современном состоянии России. Оно заключало в себе «критику внутренней администрации», системы налогов, казенного хозяйства (ВД. XIV. 131—135). Обращаясь к Левашову, Батенков писал: «Вы изволите во мне увидеть совсем другого человека, ежели позволите представить изложение собственных моих мыслей, ежели отделите меня от общества, с коим на короткое время я имел несчастье встретиться на пути моей жизни, и ежели, наконец, исходатайствуете у государя забвение немногих дней, в кои я предавался безумию» (ВД. XIV. 131). На следующий день Батенков представил Левашову продолжение своей «исповеди». Он надеялся, что ему будет позволено высказываться о злободневных проблемах страны и тем самым быть ей полезным. «Может быть, — писал Батенков, — сие, с одной стороны, принято будет а некоторое уважение к облегчению моей участи, с другой же, послужит к разным соображениям, ибо во мне погибает один из первых знатоков России в государственных видах, и вместе с тем теряются наблюдения и соображения по многочисленным частям управления» (ВД. XIV. 135). Такое вступление сопровождало сочинение о

необходимости введения в России умеренной конституции с ответственным министерством и двумя палатами, из которых высшая большая часть состояла бы из наследственных членов (ВД. XIV. 135–139).

Новая встреча с Николаем, по-видимому, состоялась, в самом конце марта. Священник П.Н. Мысловский, посетивший Трубецкого в каземате, рассказал ему, что 29 или 30 марта «Батенкова возили во дворец». Николая не интересовали конституционные соображения подследственного. Царь желал знать, насколько Сперанский был связан с тайным обществом. В это же время А.Х. Бенкендорф по поручению императора, с глазу на глаз беседовал в камере с Трубецким о том же предмете.¹⁸

Николай остался недоволен Батенковым. Очевидно, декабрист продолжал в прежнем духе. 30 марта Батенков просил в письме к царю о милосердии. «Не теряйте напрасно во мне поданного, который может принести много пользы в возмездие вашего снисхождения», — заклинал он императора 30 марта. — Величеству вашему легко одним словом сразить меня, но не можно сотворить вновь человека, которому бы природа дала столько дарований и который употребил уже двадцать лет на то, чтобы наблюдать, рассуждать и учиться». «Государь, ежели время, все открывающее, обнаружит, что я не достоин вашего милосердия, то можно ещё будет довершить; удар; ныне же я чувствую, что менее всех заслужил его. Помилуйте!» Подпись гласила: «Верноподданный подполковник Батенков». (ВД. XIV. 138–139). На следующий день Батенков представил Левашову ещё одно показание, «заключающее историческую и моральную картину» его отношений со Сперанским. Батенков ясно ощущал, что над ним после аудиенции во дворце «тяготее» гнев государя (ВД. XIV. 139). Разумеется, этот обзор ничего предосудительного для Сперанского не содержал (ВД. XIV. 139–145).

31 марта Батенков в письме к Левашову ещё раз подтвердил, что ничего не может рассказать нового о сношениях своих со Сперанским (ВД. XIV. 107–108). В другом письме от того же числа Батенков открыл следователю еще одну «странную тайну». Он подчеркнул, что «представляется безумцем», настоятельно просил не считать его «сумасшедшим». «Я прямо чувствую, — “откровенничал” Батенков, — присутствие со мною злобного духа, помрачающего разум, внушающего отчаяние, испровергающего всё, что ни было сделано к лучшему. От него не спасут меня все цари в мире. В первый раз я встретился с сим страшилищем. Едва начинаю, понимать, что ему нужен не я, нужна другая жертва, которую он давно уже терзает. Что мне делать? Не могу с ним соединиться,

¹⁸ *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. I. Иркутск, 1983. С. 268, 378–379.

с сим духом лжи и клеветы. Ибо лишусь тогда не только земного, но и небесного блага. Ежели можно остерегите государя о несправедливости, остерегите в сем отношении от меня самого, жаль, если первый лист его царствования будет омрачен гонением лучшего и вернейшего из подданных. Для себя я просил бы позволения описать свои ужасные три месяца, которые провел в страшном собеседничестве. Это важный психологический опыт, достойный того, чтобы не быть потерянным. Не знаю, надолго ли достанет во мне здравого рассудка, и потому желал бы сим заняться. Не быв исцелен, я ни в чём за себя отвечать не могу...поверить ли кто тому, что я сказал? Но поверят ли также кто-нибудь и тому, что я делал в последнее время?» (ВД. XIV. 108). На следующее утро Батенков приписал к своему письму несколько строк: «Я в совершенном рассудке и совершенно понимаю, чем возбудил новое подозрение и каким образом, продолжая своё чистосердечие, могу поправиться». Он просил отложить слушание его дела на пару суток, доставить ему бумаги для новых показаний, умолял о новой встрече с царем (ВД. XIV. 109).

3 апреля Батенков вновь обратился с письмом к царю. Он благодарил Николая за то, что монарх совершенно его исцелил от «ложного стыда, желания всегда быть правым и скрытности». Батенков констатировал: «Чувствуя себя обновлённым и счастливым, не заслуги, но одни ошибки свои впредь делать буду гласными и никогда не скрою истины» (ВД. XIV. 110). Тогда же Батенков снова обратился в Комитет, особо отметив, своё неведение относительно царевубийственных замыслов. Декабрист подчеркнул, что, вступив в сношения с Трубецким и другими руководителями тайного общества, ему «на мысль ...не приходило тогда, чтоб была опасность для высочайшего дома» (ВД. XIV. 110).

5 апреля Батенков представил в Комитет обзор хода всего его дела. Он объяснял психологически, почему менялись его показания после каждого контакта с Комитетом и царём. Батенков объяснил, что ему показалось: он будет оставлен в заключении на всю оставшуюся жизнь. В этой ситуации он решил «искать...историческую славу». Поэтому он написал бумагу, «исполненную надменности, в которой старался взять на себя сколько можно более в сем деле», Батенков подтвердил это на допросе, но вопреки его ожиданиям, он был снова обвинён «в упорстве». В опровержение Батенков «представил ещё одно на себя обвинение, действительно ложное, но токмо слышанное в Комитете». (Этим показанием, мы к сожалению, не располагаем, потому что оно было устным). После этого его принял Николай, и Батенков вынес впечатление, что на него смотрят как на посредника между тайным обществом и Сперанским. Батенков почувствовал необходимость быть чистосер-

дечным и написал откровенную свою биографию и описал «ход своего либерализма». Ему казалось, что он окончательно пропал во мнении Николая. Он решил написать дополнения. Но его умственное расстройство «умножилось». Письмо к государю может служить тому подтверждением. Через несколько дней Батенков почувствовал «несообразность сих бумаг» и с полной откровенностью вновь описал свои отношения со Сперанским. Отправив это показание, Батенков опять «смутился». Ложный стыд овладел им. Он «совсем себя не помнил», и «нервы его были расстроены. Он решил дополнить свои показания, но опять же «принял какой-то важный тон и составил самый несообразный обвинительный и защитительный акт», из которого можно было заключить, что он ставит свою вину себе в заслугу. Это получилось непроизвольно, но доверие к его чистосердечию было окончательно подорвано. Вряд ли удастся исправить положение. Но теперь он совершенно успокоился и готов дать новые чистосердечные показания. «Пусть сей акт послужит доказательством, — резюмировал Батенков, — что я не ищущу уже питать самолюбие на счет истины» (ВД. XIV. 110–112).

Бумага, как и предыдущие, поступила в Комитет, но их там не обсуждали. 6 апреля два письма Батенкова от 31 марта были доставлены военному министру А.И. Татищеву (ВД. XIV. 112–113). Батенков продолжал бомбардировать Комитет (ВД. XIV. 112–115) и Николая (ВД. XIV. 115–116) письмами, подчёркивая свою невиновность и прося разрешить свою судьбу. Он ещё надеялся, что трёхмесячное пребывание в крепости будет сочтено за наказание. Поэтому не просил о сохранении ему его чинов, но ходатайствовал разрешить ему «свободное употребление света и воздуха», т.е. ослабления режима содержания или даже освобождения (ВД. XIV. 115). В начале апреля Батенков всё ещё надеялся, что Николай разрешит ему «искать отрады в семейном состоянии и безвестности». Он рассчитывал, что царь исключит его из Корпуса инженеров путей сообщения, но в уважение полученных ран, назначит ему содержание. Батенков настоятельно просил изъять из делопроизводства Комитета, все его показания, написанные в расстроенном состоянии души. Но оставить самое чистосердечное, написанное после встречи с Николаем. Более того, он предлагал свои услуги царю в исследовании тех причин, которые порождают тайные общества, являющиеся для государства опаснейшими врагами (ВД. XIV. 115–116). Впоследствии в письме к неизвестному Батенков вспоминал: «До марта государь всё ещё меня не оставлял. Дибич, кн. Михаил и ещё иные хотели, чтоб я был при государе. И сам говорил мне, хвалил меня».¹⁹

¹⁹ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. II. С. 121.

12 апреля Батенков в новом обращении к Левашову сообщил, что окончательно выздоровел и просил «воскресить умершего», т.е. не предавать публичному позору его имя (ВД. XIV. 116).

15 апреля следователи расценили новую инициативу Батенкова так: «Ничего не значащее пополнение» (ВД. XVI. 169) и приобщили его показание к прочим ответам. 24 апреля Батенков написал в Комитет, что не может ответить за точность своих показаний, «писанных в продолжение помешательства рассудка, особенно во время кризисов болезни, случившихся в начале марта и на первой неделе апреля», ибо тогда дошёл до крайнего отчаяния и «искал всяких на себя обвинений». Батенков просил вновь передпросить его (ВД. XIV. 116—117).²⁰ Однако члены Комитете решительно воспротивились. Никто не верил в выдуманную болезнь подследственного. 27 апреля в журнале Комитета появилась резолюция: «Как штаб-лекарь, при крепости находящийся, ежедневно свидетельствует арестантов и о роде болезни занемогающих доносит коменданту, а сей последний уведомляет Комитет, о помешательстве же в уме подполковника Батенкова никогда доносимо не было и притом, как самые ответы Батенкова, писанные ясным и чистым слогом, в здравом смысле, не подают ни малейшего подозрения, чтобы он находился в расстроенном состоянии рассудка, то по сим причинам, явно доказывающим желание Батенкова запутать и продлить дело, принять прошение к сведению» (ВД. XVI. 184).

После допроса Рылеева 24 апреля (ВД. XVI. 180) и его письменных ответов на вопросные пункты, представленных 27 апреля (ВД. I. 167—189), следствие установило, что лидеры заговора готовили к публикации манифест, которым объявлялось бы об аресте императорской фамилии и созыве Великого собора, предназначенного решить её судьбу. Исполнительная же власть передавалась временному правительству (ВД. I. 187—188). На очной ставке Рылеева и Трубецкого 6 мая Комитет узнал, что Батенков выражал желание идти в Сенат представить сенаторам такой манифест для подписи (ВД. I. 105). 7 мая Батенкова спросили об этом в Комитете, но подполковник не сознался. Тогда решили ему дать допросные пункты (ВД. XVI. 200). Отвечая на них, Батенков показал следующее: предложенный тайным обществом «новый порядок правления» ему неизвестен. Батенков предлагал Рылееву, по возможности, «наименовать временное правление для собрания депутатов из губерний и от университетов. Это собрание должно было определить «дальнейшие меры».

²⁰ В тот же день 24 апреля Батенков получил от Комитета какой-то запрос, в котором тайное общество было названо «злоумышленным». Сам же характер запроса был таков, что Батенков заключил что дело пахнет «продолжительным заключением» (ВД. XIV. 116). К сожалению, самого запроса в деле Батенкова нет.

В число членов этого правления Батенков предлагал ввести одну духовную особу. До собрания депутатов ничего не менять «в настоящем порядке», за исключением незначительных мер, связанных с облегчением народа. С Трубецким вёл разговоры о создании двух палат: верхней и нижней. Батенков категорически утверждал, что «манифест об установлении нового порядка правления» ему неизвестен. Он не давал слова поднести его к подписи и не имел средств для этого. Однако во время разговора с Рылеевым обмолвился о том, что хотел бы произнести речь в Сенате «в пользу представительного правления», но текста речи не готовил, и не имел намерения этого сделать (ВД. XIV. 118). Очная ставка Батенкова с Рылеевым ничего не дала: каждый остался при своем мнении (ВД. XVI. 203; ВД. XIV. 119). На следующий день, 10 мая, Батенков представил в Комитет новое показание. В нём он сокрушался, что во время очной ставки не объявил, что не только ничего не знал о манифесте, «но и ни о какой конституции, тайным обществом предложенной». Он узнал во время Рождества во дворце, что «в тайном обществе приготовлены уже были Прокламация (вероятно, манифест) и Конституция». Очевидно, Батенков имел в виду так называемый «Манифест к Русскому народу» и проект конституции Н.М. Муравьёва, найденные в бумагах Трубецкого во время его ареста (ВД. I. 107–132). Батенков настаивал на том, чтобы Комитет послал запрос Трубецкому о том, были ли эти документы известны Батенкову и собирался ли он нести их в Сенат (ВД. XIV. 119). Видимо, Батенков их действительно не знал, потому что эти документы имели более раннее происхождение,²¹ но Комитет этот вопрос не интересовал. Спрошенный относительно манифеста И.И. Пущин, показал, что никогда не слышал о намерении Батенкова идти в Сенат с манифестом (ВД. XIV. 119). 12 мая Батенков принялся за прежнее — опять заговорил о болезни, в которую никто, однако не верил. На неё он списал «несообразность» своих показаний. Теперь он утверждал категорически: «Ежели составление Конституции действительно в тайном обществе было предпринято, то никакой нет возможности найти в ней нечто и мне принадлежащее, перенесённое Рылеевым или Трубецким и заимствованное из их со мною совещаний. За целое никто не возлагал на меня ответственности.

Что касается манифеста, то я сам один раз изъявлял Рылееву готовность написать Манифест о признании временного правления государем или Сенатом». Батенков требовал новой очной ставки с Рылеевым: «В заключение осмелюсь сказать, — писал подследственный, — что я не более как два дня назад понял, какую клевету взвёл на меня Рылеев, основыва-

²¹ См. подробно: Сафонов М.М. Манифест к русскому народу // X «Декабристські читання»: Тези Міжнародної-теоретичної конференції. 2005. Київ, 2005. С. 88–90.

ясь на самых неясных и неопределённых словах моих, и до какой степени унизил он меня, полагая иметь в своём распоряжении. Благодарность моя благодетельному правительству бесконечна за желание не допустить меня до сего позора». Ещё и ещё Батенков повторял, что и не помышлял принимать какое-либо участие в событиях 14 декабря, и не знал плана, по которому они происходили. «Словом, никто более меня не был удивлён несообразностью и дерзостью людей, коим, к несчастью, я дал себе путь» (ВД. XIV. 121).

В последующие дни, 13 и 14 мая, Батенков вновь требовал встречи с глазу на глаз с Рылеевым: во время очной ставки он был одержим припадком «нервной болезни», поэтому решил представить новые показания (ВД. XIV. 121, 122).

В этих показаниях Батенков сообщил, что «крайнему несчастью, и может быть, сожалению, опять ненадолго» пользуется рассудком. В который раз он вновь просил о новой очной ставке с Рылеевым. Батенков перечислил круг вопросов, который он поднял бы в присутствии руководителя конспирации. Из этого перечня видно, насколько Батенков старался дистанцироваться от тайного общества. Самое общество, которое возглавлял Рылеев он назвал «злоумышленным» и охарактеризовал его как «фанатическое». Рылеев даже не понимал, что значил «сам» Батенков, и поэтому его советы ничего не значили для «злоумышленников». Он же почитал «тайное общество как дело либеральных средств». Батенков «поощрял Трубецкого ознаменовать» день 14 декабря, в который Россия была свободна от присяги самодержавию, «покушением приобрести свободу и полагал, что отвечать должно будет не за то, что шайка заговорщиков задолго уже постановила, а за те меры, кои сообразно обстоятельствам будут приняты и постепенно разовьются». Принять участие именно в таком предприятии Батенков не считал для себя предосудительным, и ни за что не отказался, если бы обстоятельства представили к этому случай. Батенков не подчинялся правилам тайного общества, ему неизвестным, но он руководствовался единственно тем, что «совершенная свобода мыслей» ему подсказывала. Независимо от кого-либо Батенков готов был броситься в Государственный совет или в Сенат, чтобы убедить его членов не упускать возможности, которую им представляет это редкий день. Он представлял себя Брутом, т.е. героическим борцом против деспотизма. Но получилось, что он теперь, всего лишь, «солдат Рылеева». В запальчивости Батенков не заметил, что имя Брута никак не вязалась с «делом либеральных средств» и всегда вызывало ассоциации с цареубийством, от которого подследственный так старательно открещивался, подчёркивая, что это были планы «шайки заговорщиков» (ВД. XIV. 122).

Батенков сообщил, что рассчитывал на такие очные ставки в январе и в надежде на них отрекался от звания члена общества. Но такой образ действия оказался для него «бедственным и позорным». Его несчастью укрепила «непрерывная душевная болезнь» и «телесное изнурение». Однажды подвергнувшись «унижению», он был «уже почти мертв». Желая оправдаться, Батенков просил очных ставок «хотя со всеми членами общества». Подчеркнув, что Рылеев, будучи психически здоров, имеет в силу этого ряд преимуществ перед ним. Чтоб уровнять их, Батенков просил разрешить ему перед допросами предварительно гулять в саду, прежде вызова на допрос, удостовериться, в состоянии ли он явиться, наконец, не смущать его в Комитете суровым приёмом. «В заключении считаю своим долгом объявить, что вся будущая жизнь моя будет непрерывною очною ставкою в общем мнении с моими клеветниками» (ВД. XIV. 123). Но показания Батенкова были аттестованы как «ничего нового или достойного примечания» не заключающие (ВД. XVI. 208).²²

16 мая Батенков представил в Комитет новые вариации на тему своей невиновности в событиях 14 декабря. «Против великого множества обвинений, особенно в последнем кризисе болезни отрицательно мною на себя данных, — писал он, — осмеливаюсь представить прямое удостоверение, что до 14 декабря понятия мои о тайном обществе были совершенно различны от последующих» (ВД. XIV. 123). Однако эти усилия Батенкова остались так же тщетны, как и все предыдущие. 17 мая их просто приняли к сведению (ВД. XVI. 212).

1 июня, когда основное следствие был уже завершено, а Комитет, переименованный в Следственную комиссию, уже подготовил «Донесение государю императору», Батенков представил следователям ещё одну бумагу. Здесь тема душевной болезни получила расширенное толкование. Батенков писал: «В жару болезни я, решаясь принять на себя участие в тайном обществе, обыкновенно присваивал себе распорядок дела 14 декабря, и к оному относились все разговоры о введении в России представительного правления; ибо по свойству болезни всегда чужд был способности возноситься до идей общих и держался сего единственного в истории нашего случая» (ВД. XIV. 124). В тот же день Батенков составил ещё одну бумагу. Показания на него он назвал клеветническими, себя ж почитал «невинным». «По мере того, как были умножаемы и объясняемы напоминания, — писал Батенков, — я приходил в недоумение и смешение. Болезнь моя усиливалась. Вскоре сердце и разум впали в совершенное усыпление. Редки и всегда гибельны были для меня пробуждения.

²² Показания Батенкова датированы 15 мая, но них сделана пометка: «Читано 14 мая» (ВД. XIV. 122, 123). Видимо, одна из дат проставлена ошибочно.

Прежде всего я чувствовал стыд унижения. И пока ум успеет укрепиться и сообразить, пока сердце воспрянет — из жерла отчаяния извергнется уже какая-нибудь тяжкая клевета на самого себя». Поэтому Батенков умолял уничтожить компрометирующие его показания. Таковыми он теперь считал те из них, которые ранее называл «чистосердечными». «Я почёл бы великим благотворением, если бы все акты, в таком состоянии писанные и исполненные чувств и мыслей, мне несвойственных, и обстоятельств, из настоящего дела заимствованных, были истреблены (не-сообразнейшие из таковых актов суть два: один — писанный в марте месяце, а другой — в недавнем времени — оба в жестоких припадках и в жару болезни) решительно. Ибо в обыкновенном, покойном состоянии души всякое о себе понятие, яко о революционере, я почитаю оскорбительным» (ВД. XIV. 124). Наконец, в тот же день Батенков составил третью бумагу. В ней он попытался оправдаться, противопоставляя тайное общество «обществу злоумышленному», которое скрывалось в недрах первого. «Тайное общество вообще, без сомнения, имело полезные для отечества виды, было обширно, было обширно и состояло из лиц почтенных; но среди оного скрывалось незначительное только число лиц, составляющих общество злоумышленное, до коих собственно относятся первоначальные, невыгодные оглашения и коими некоторые другие могли быть вовлечены ошибкою». К таковому обществу Батенков отнес Трубецкого, Рылеева, Николая и Александра Бестужевых. Они не подали никакого повода считать их злоумышленниками. Поэтому то, что Батенков имел с ними «связь», не может быть ему поставлено в вину. «Членом тайного общества именоваться непостыдно». В обществе же «злоумышленном» они не состояли. Никто из них не дал клеветнических показаний против Батенкова. Поэтому своей готовностью выйти на очные ставки с каждым из них, он почитал себя оправданным. Продолжением же своего дела Батенков был обязан лишь собственным ошибкам и болезни. «Осмеливаюсь просить, — резюмировал Батенков, — принять в милостивое уважение сие чистосердечное изъяснение, даровать мне прощение, в чем лично я виновен, и спасти меня от собственных себя обвинений» (ВД. XIV. 124–125).

Последняя бумага, поданная Батенковым в Комитет, датируется 2 июля. Ещё раз Батенков повторил уже ставший стандартным набор оправданий. Но при этом он особо подчеркнул свою позицию в событиях 14 декабря. В период междуцарствия «представлялся целый исторический период времени, в который можно было бы без революции совершить перемену образа правления, если бы Россия ни сие была бы готова». Батенков подразумевал «готовность лиц, высшие места занима-

ющих и имеющих над собою одну власть — верховную, бывшую тогда в колебании. Из них одни могли опираться на историческую и моральную значимость, на богатство и прочее; другие — иметь под руками материальную силу, во власти законно состоящую, которая могла быть нужна токмо для указания, те и другие влечь за собою массу им вверенную». Батенков полагал «Трубецкого в таких связях». Однако бездействие высших лиц убедило его, что желать перемены ещё рано (ВД. XIV. 127).

По всей видимости, назойливые писания Батенкова перестали вносить в Комитет, во всяком случае в его бумагах нет никаких отметок, что они там продолжали рассматриваться.

Создаётся впечатление, что Батенков не понимал, что следователи вовсе не заботились самым беспристрастным и тщательнейшим образом расследовать все мельчайшие обстоятельства его виновности или невиновности, но это только первое впечатление. По всей видимости, Батенков, прекрасно сознавая степень своей виновности в глазах Комитета, намеренно создавал образ человека с расстроенным рассудком, который не может адекватно отвечать за свои поступки и показания. Тем самым он стремился и смягчить свою вину и избежать сурового наказания. Кроме того, возможно, рисуя себя человеком, с которым беседует «злой дух», Батенков пытался навести следователей на мысль, что с таким душевно расстроенным человеком руководители конспирации, мыслившие логично, практично и рационально, просто не стали бы иметь дело! Надевая маску душевнобольного, Батенков посредством её отделял себя от руководства тайного общества. Но Батенков видимо, не осознавал, что все изощренные логические построения, с помощью которых он пытался оправдать себя, свидетельствовали о душевном здоровье и оборачивались против него же.

Итоги расследования были подведены в записке «О подполковнике путей сообщения Батенкове», составленной правителем дел Комитета А.Д. Боровковым. В этом итоговом документе Батенков был представлен в выгодном для него свете. Здесь говорилось, что в начале расследования он пытался «закрывать истину», но показания других подследственных неоспоримо свидетельствовали о том, что он не только был членом тайного общества, но и принимал живейшее участие в его совещаниях. Далее давался перечень таких показаний. Ему было известно, что Якубович назначается для «влечения солдат». Батенков знал, что Трубецкой думает, нельзя ли возвести на престол Елизавету, и был с этим согласен, предлагая со своей стороны вел. кн. Михаила. Трубецкой, узнав о том, что гвардейские полки хотят вывести из города для присяги, обсуждал с Батенковым вопрос, как бы воспользоваться этим обстоятельством для

введения конституционного правления. Батенков же находил полезным, если войска из города выведут. Это позволит избежать беспорядков, если сам Николай останется в городе. Батенков высказал мнение о том, что Николай не захочет кровопролития. Когда соберётся достаточное число депутатов, их собрание определит присягу императору Николаю. Если же до собрания депутатов будет учреждено временное правление, то государю самому нужно, чтобы в него попали «люди умные». Когда на собраниях у Рылеева обсуждался вопрос о захвате дворца, то именно Батенков категорически возражал против этого.

Таким образом, все эти показания представляли Батенкова как человека крайне умеренных взглядов. Он стремился ввести конституционное правление, но радикальные меры отрицал категорически. Едва ли не главной заботой Батенкова было избежать кровопролития и беспорядков. При этом подчеркивалась его лояльность к Николаю, конституционное правление Батенков намеревался ввести при этом монархе и ни при каком другом.

Боровков констатировал: на очных ставках Батенков отрицал сделанные на него показания, но при этом он подчеркнул, «что самые показания против него являют в нём человека, неразлучного с понятиями монархического правления в России противного всех предосудительных способов действия». Особо Боровков выделил свидетельство Трубецкого о том, «что мнение Батенкова о дворце предупредило многие гибельные последствия», т.е. Батенков рисовался правителем дел следственного Комитета чуть ли спасителем царя и его семьи.

Далее Боровков отметил: несмотря на то, что Батенков поначалу запырлялся, «побуждаемый гласом совести», он добровольно прислал «сознание». В чём же он сознался? В том, что, не будучи ещё знаком с членами тайного общества, желал, во что бы то ни стало, стать «лицом историческим». Поэтому решил, если произойдет революция, то он обязательно примет в ней участие. Когда от Александра Бестужева и Трубецкого Батенков узнал о существовании тайного общества, имевшего целью ограничение самодержавия, то побуждаемый не только любовью к отечеству, но «собственным честолюбием» вступил с ними в связь. Когда в Петербурге узнали о кончине Александра, Батенкову казалось «постыдным» пропустить такой случай, дать почувствовать, что и в России есть люди, «желающие свободы». Он высказывался в следующем смысле: если бы в Государственном совете или Сенате «думали об отечестве, то могли бы в ту самую минуту, как Николай Павлович присягнул цесаревичу, принять сие за отречение, и, огласив Александра II, сделать то, что признают за благо». Исполненный чувством «досады», Батенков зашел к

Рылеву, чтобы его «подстрекнуть». Но к своему удивлению узнал, что у него были люди, которые «в самом деле готовы были броситься к солдатам и провозгласить Елизавету или Александра II». Недостаток времени и сил таковое «покушение» осуществить не позволили, и Батенков был этому «очень рад». Цель же этого неосуществлённого предприятия состояла в том, чтобы, пользуясь свободой от присяги самодержавию, ввести конституционное правление. Для этого требовалось создать временное правительство, которое учредило бы в губерниях «избирательные палаты для собрания депутатов», а из Государственного совета и Синода образовало бы верхнюю палату и вместе с ними, т.е. с собранием депутатов совокупного собрания членов верховных трибуналов принесло бы присягу императору.

Хотя Батенков был вроде бы рад, что 27 ноября замысел не осуществился, но когда спустя 10 дней он узнал от Трубецкого: Константин отречётся, войска Николаю присягать не будут, его настроение изменилось. Трубецкой уверял его, что надеется на нежелающие присягать войска. Тогда Батенков предложил разделить сторонников конституции на две группы. Одна состояла бы из приверженцев Константина, а другая — из сторонников Николая. Если же приверженцев Константина окажется больше, то из тупиковой ситуации может быть два выхода. Либо Николай согласится ввести представительное правление и признает временное правление и воцарится, либо откажется вступать на престол от престола, и тогда этот отказ будет признан отречением, а государем объявят наследника — Александра.

Боровков всячески старался подчеркнуть, что основным мотивом поступков Батенкова являлось честолюбие, и этот порок заставлял его сворачивать с выбранного умеренного пути, завлекая на скользкую и опасную дорогу радикальных мер. При этом желание стать историческим лицом побуждало его быть не слишком-то разборчивым в средствах. Боровков особо выделяет, что Батенков показывал о себе, давая понять, что это было не совсем то же самое, что о нём говорили другие подследственные. «Батенков говорит, что не только был он член тайного общества, но член самый деятельный, ибо принимал великое участие в плане и цели покушения на 14 декабря, признавая сие первым опытом революции политической, почтенным в бытописаниях и в глазах других просвещённых народов». Именно возможность утолить свое честолюбие побудила Батенкова согласиться принять участие в планах не им выработанных, и не вписывающихся в его мировоззрение. Когда Батенков узнал от Рылеева, что у тайного общества достаточно сил, чтобы начать выступление 14 декабря, он решил быть его участником. Ему

стало известно, что члены конспирации «не почитали возможным достигнуть своей цели, не принеся в жертву особы» Николая, «дабы пользуясь малолетством наследника, не встретить препятствия к введению конституционного правления», и что оно избирает его в число членов такового, он не мог отказаться. При этом Батенковым двигало не столько убеждение, что это полезно государству, сколько честолюбивые помыслы: желание «предстоящей ему славы». «Продолжив существование временного правительства в виде регентства, он надеялся управлять государством именем его высочества Александра Николаевича». Батенков самостоятельно выработал средства, которые могли привести к успеху предприятия, и они существенным образом отличались от тех, что наметили руководители конспирации, замышлявшие принести в жертву особу Николая. Это были бескровные средства: именем Константина поднять войска, двигаясь от одного полка к другому, собрать как можно больше народа, не делать «ни малейших беспорядков», начать внушением солдатам о их личных выгодах, а в случае успешного начала, объявить им и настоящую цель выступления.

Примечательно, что подчёркивая мирный характер замыслов Батенкова, Боровков как бы не замечает, что какими бы они мирными ни были, подследственный не только знал о существовании планов царевубийства, но, даже желая реализовать свои честолюбивые планы, не остановился перед тем, чтобы косвенно с ними согласиться. Одно это обстоятельство могло бы открыть Батенкову путь на эшафот с формулировкой «умышлял на царевубийство согласиём», но Боровков изощрённо выгораживал Батенкова. Правитель дел Комитета не только не акцентировал на этом внимания, но тщательно избегал самого термина царевубийство, и вопиющий факт формального согласия на него, перечёркивающий все утверждения об исключительно мирном характере планов Батенкова, растворил почти что полностью в витиеватых рассуждениях о побудительных мотивах немного нелепого и достойного сожаления честолюбца. Кроме того, Боровков выразительно подчеркнул, что Батенков не принимал ни малейшего участия в том, что произошло в действительности. Накануне 13 декабря у Рылеева, на его реплику, что полки присягать не будут и тем самым представят удобный случай к перемене, ответил: «Он воевать не умеет, его дело писать». Наконец, утром 14 декабря, узнав от Рылеева, что артиллеристы не присягают и целой батареей ездят по городу, поспешил присягнуть сам, «забыв (говорит он) думать о пользе революции, а ещё менее о чести быть членом временного правления, поехал домой, желая единственно, чтобы революционеров переловили».

Заключение Боровкова выглядело как оправдательный вердикт: «В возмущении лично никакого участия не принимал, на площади не был и никого к содействию не склонял» (ВД. XIV. 128–131).

Разумеется, ни слова в записке Боровкова не говорилось о противоречивости показаний Батенкова, о расстроенном психическом состоянии, о его так называемой «болезни», не упоминалось и о связях со Сперанским. Поскольку дело Батенкова теснейшим образом переплеталось с делом Трубецкого, а «диктатора» следователи буквально за уши тащили как можно дальше от плахи, это не могло не сказаться и на интерпретации следствием действий соавтора его плана. Если план Трубецкого был исключительно мирным, то таковым же должен был быть и план Батенкова. С точки зрения следователей, это вполне естественно. Однако одно обстоятельство не может не броситься в глаза: в начале следствия Батенков и Трубецкой представлялись сторонниками дворцового переворота, имевшего целью посадить на престол слабого монарха и, пользуясь его слабостью, осуществить конституционный переворот. При этом оба отдавали предпочтение женскому правлению или царствованию несовершеннолетнего отрока. Первоначально 27 ноября Трубецкой говорил о возведении на престол Елизаветы, а впоследствии, не ранее 12 декабря, заговорил и о малолетнем Александре.

Представляется важным, что, интерпретируя показания Батенкова, следователи «замкнули» его планы конституционного преобразования исключительно на воцарение великого князя Александра. При этом такие планы были представлены как некое орудие честолюбивых замыслов, по сути своей химерических. Первоначальное же стремление Батенкова видеть на престоле императрицу было заменено желанием посадить на престол отрока. Не может не обратить на себя внимание эволюция этого сюжета в расследовании дела Трубецкого. В заключительной записке Боровкова о Трубецком ни словом не упоминается о его желании видеть на престоле Елизавету, упоминается лишь о намерении «объявить императором великого князя Александра Николаевича» (ВД. I. 142). Хотя объявлялось, что оно, согласно собственным словам диктатора, «не сходствовало ни с правилами, ни с сердцем его», но всё же существование такого намерения фактически признавалось, а вот о женском правлении в деле Трубецкого ни малейших упоминаний нет. И это само по себе показательно. Налицо стремление следствия «утопить» этот сюжет. Остаётся только определить, кого именно лидеры конспирации обозначали именем «Елизавета». Это могла быть кандидатура «Общества Елизаветы». Так могли именовать императрицу, которая по духу и стилю своего правления напоминала бы английскую королеву Елизавету Тюдор. Наконец,

не исключено, что имелась в виду библейская Елизавета, мать Иоанна Предтечи, с которым себя соотносили ранние декабристские организации. Но представляется крайне сомнительным самое простое решение, что «Елизаветой» члены конспирации именовали жену императора Александра — императрицу Елизавету Алексеевну. Кто бы не скрывался под именем «Елизавета», Батенков это, несомненно, знал.

На следствии он рассказал далеко не всё, что ему было известно о связях тайного общества и петербургских верхов. Но царь, знал гораздо более, нежели следователи. Батенков мечтал превратить Петропавловскую крепость в Палладиум Российской свободы, а она стала для него Русской Бастилией. Царь заточил его на десятилетия в одиночную камеру Петропавловки. Там за толстыми крепостными стенами он должен был остаться наедине с тем, что знал. Но, и выйдя на свободу, Батенков продолжал хранить молчание. И его нежелание открывать закулисную сторону 14 декабря (то же можно сказать и про Трубецкого) явилось одной из причин, благодаря которой исследователи планов тайного общества были вынуждены замыкаться в узком кругу следственных материалов.